

Все у него на сквознякъ, все угрожаетъ рухнуть куда - то. По своему Бѣлый громче кого бы то ни было кричить: «помни о смерти».

Если у читателя хватитъ терпѣнія до-браться хотя бы до середины одной изъ «Симфоній» или «Серебрянаго голубя» или даже «Москвы подъ ударомъ» — у него начинается кружиться голова.

Самые устойчивые предметы, самыя тяжеловѣсныя понятія, подхваченныя какимъ то вихремъ, начинаютъ кружиться въ пространствѣ.

Среди современниковъ Бѣлаго мало кто, говоря о немъ, не обмолвится: «чуждакъ». Скажетъ и не это: «фальшивый человекъ», «фигляръ» и еще болѣе неприятныя клички нерѣдко сосѣдствуютъ съ именемъ Бѣлаго.

Но почти каждый изъ его ругателей неизмѣнно добавляетъ: «а все - таки это писатель почти гениальный».

Строгий и сухой на похвалу Гумилевъ говаривалъ о Бѣломъ:

«Этому писателю данъ гений».

И всегда при этомъ добавлялъ:

«Но гений свой онъ умудрился погубить».

Вдохновенныя писанія Бѣлаго въ самомъ дѣлѣ — свидѣтельство какой - то катастрофы; несмотря на всѣ свои достоинства, они всегда поражаютъ какимъ либо изъяномъ.

Блестящія, но математически отвле-ченныя схемы, замѣчательная, но утомительная игра словъ и созвучій и главное, рѣдкое по силѣ чувство неустойчивости и относительности всего на свѣтѣ — вотъ приблизительно главныя слагаемыя сочиненій этого писателя.

Въ суммѣ получается нѣкая очень значительная дробь, но не цѣлое число.

Какого то слагаемаго Бѣлому не хватаетъ.

Какого?

Вѣроятнѣ всего: вниманія къ реальности.

Часто «презрѣннымъ» бытовикамъ удается уловить и запечатлѣть простѣйшее дыханіе жизни.

Бѣлому это удается очень рѣдко. Только говоря о Россіи, онъ почти всегда находитъ слова, «ударяющія по сердцамъ».

Поѣздъ плачется: въ дали родныя

Телеграфная тянется сътъ,

Пролетаютъ поля росыня,

Пролетаю въ поля: умереть.

Пролетаю: такъ пусто, такъ голо!

Пролетаютъ—вонъ тамъ, и вотъ здѣсь

Пролетаютъ: за селами села...

Пролетаютъ: за всями весь...

Удивительна для Бѣлаго простота этихъ строчекъ. Обыкновенно у него все сложно и вычурно. Играющій на рояли, — яркаетъ граціей, яркой гра-ціей,—сумасшествіе для Бѣлаго «съ ума сшествіе» «нисхождение голубя Я на безумное».

Но приводитъ примѣры, подобные этимъ, значило бы выписать почти всю прозу этого сложнаго и подчасъ утомительнаго писателя.

Мучительно было встрѣчаться съ Бѣлымъ въ Берлинѣ. По многимъ причинамъ онъ былъ еще растеряннѣе, чѣмъ обычно. Чтобы заглушить очень сложныя и мучительныя огорченія и сомнѣнія, Бѣлый пустился плясать фокс-троты. Причины этихъ его увлеченій танцами были многимъ понятны, и никому не приходило бы въ голову смѣяться, если бы онъ пытался объяснить свое «веселье» какими то высшими соображеніями.

По словамъ Блока, Вячеславъ Ивановъ, чтобы повернуться на стулѣ, долженъ былъ обязательно какъ то по особому объяснить свое движеніе.

О Бѣломъ сказать то же самое было бы еще справедливѣе. Въ этомъ мнѣ пришлось удостовѣриться въ Берлинѣ.

Въ двухъ залахъ танцуютъ. За грохотомъ джазбанда едва слышишь слова собесѣдника.

Мелькаютъ лица солидныхъ толстяковъ, оттанцовывающихъ фокстротъ, проносятся фигуры женщинъ: типичныя берлинскія фигуры могучихъ Амалій и Марихенъ.

Внезапно въ толпу танцующихъ изъ сосѣдняго маленькаго зала входитъ, почти вбѣгаетъ странный человекъ съ лицомъ безумнымъ и вдохновеннымъ. Его длинныя полусѣдые волосы вьются вокругъ большой лысины, онъ разгоряченъ и бѣжитъ къ буфету, наклоняясь впередъ всѣмъ тѣломъ и головой и улыбаясь своей медовой чуть - чуть сумасшедшей улыбкой.

Не успѣваетъ онъ пристроиться къ буфетной стойкѣ, какъ рядомъ съ нимъ появляются двѣ Марихенъ. Онѣ хватаютъ его съ двухъ сторонъ за руки и кричатъ:

«Herr Professor, Herr Professor, aber kommen sie doch tanzen..».

Бѣлый (это онъ), не успѣвая освѣжиться лимонадомъ, вновь бѣжитъ танцевать.

По дорогѣ онъ замѣчаетъ нашъ столикъ и, на минуту оставивъ Марихенъ, присаживается къ намъ.

— Удивляетесь, что я танцую? — спрашиваетъ онъ.

— Да нѣтъ, нисколько, это вполне естественно.

— Можеть быть, но я полюбилъ эти

танцы, потому что въ нихъ дикій зовъ древности, разрывы времени, вы понимаете?

Ничего у Бѣлаго не просто. Въ самомъ дѣлѣ и на стулѣ не можетъ вернуться просто такъ, чтобы повернуться. Непремѣнно по самымъ высокимъ соображеніямъ.

Бѣлаго можно бы назвать олицетвореніемъ переходной эпохи. Онъ успѣваетъ всего коснуться, но не успѣваетъ быть хозяиномъ одной какой либо идеи, одного чувства.

Все мелькаетъ передъ нимъ и въ немъ. Онъ слишкомъ многихъ понимаетъ, слишкомъ многому сочувствуетъ: всюду умѣетъ оставить частицу своего «я», но собрать въ одно цѣлое разбросанныя и разрозненныя частицы этого «я» ему не удается.

Футуристы учились у Бѣлаго.

Формалисты обязаны ему своимъ существованіемъ.

Стилистическія новшества нынѣшнихъ Пильняковъ — подражаніе Бѣлому.

Но развѣ не трагична судьба большаго писателя, творчество котораго стало лишь матеріаломъ для новыхъ поколѣній?

Николай Оцупъ

Вечеръ у Анненскаго

отрывокъ

Въ Царское Село мы приѣхали съ однимъ изъ позднихъ поѣздовъ. Падаль и таялъ снѣгъ, все было черное и бѣлое. Какъ всегда, въ первую минуту удвила тишина и показался особенно чистымъ сырой, сладковатый воздухъ. Извозчикъ не торопился. Городъ уже наполовину спалъ и таинственнѣе, чѣмъ